

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...**Я** чудовище.

Внешне я ничем не отличаюсь от миллионов других людей. У меня круглое лицо, карие глаза, темные волосы, узкие губы и мягкие уши. В апреле на щеках высыпают веснушки. Я не кажусь опасным. Мне часто симпатизируют.

Послушай! Мне так нужен хоть кто-нибудь, знающий обо мне всю правду... Разреши, я буду писать тебе? Только писать? Если не хочешь — не отвечай...

Я ведь не всегда был таким.

Это началось, когда мне было лет двенадцать или тринадцать.

Потом как-нибудь — потом! — я тебе расскажу...

Глава 1

МАЛЬЧИКИ

Влад не собирался ссориться с Кукушкой.

Собственно говоря, дружить с Кукушкой он не собирался тоже; в идеале Влад не хотел бы иметь с Кукушкой ничего общего, но идеал этот был недостижим. Общими оставались пространство, учителя и перемены — особенно перемены, время нужное и полезное, но отравленное Кукушкиным присутствием.

Когда-то очень давно — классе во втором — они подрались. То была, вероятно, совсем детская драка — со слезами, соплями, тычками и подножками; теперь Влад думал, что она даже смешной казалась со стороны, эта памятная обоим драка. Но именно после нее Кукушка перестал называть Влада тем самым словом, которое так отравило ему первый школьный год: в переводе на человеческий язык это короткое гадкое слово означало «сын гуляющей женщины, за ненадобностью подкинутый под чужую дверь».

И еще — после той драки Влад получил возможность не враждовать с Кукушкой и не дружить с ним. Он ценил свою независимость и не собирался рисковать ею, прекрасно понимая, что *теперь* драться придется совсем не с Кукушкой. Скорее всего, драки вообще не будет, а будет жизнь, превращенная в ежедневный ад, вот как у Ждана...

Собственно, из-за Ждана все и случилось. Из-за того, что у Ждана был день рождения.

У забитых и презираемых тоже бывают дни рождения. И самые наивные из них иногда надеются круто изменить свою жизнь — именно в этот день; Ждан явился в школу в белой и чистой — удивительное дело! — сорочке и неновом, но вполне приличном костюмчике. Ждан принес кулек шоколадных конфет и гитару; и то и другое с какой-то суетливой таинственностью спрятал за вешалкой. Кукушка наблюдал с усмешкой; день начался как обычно — Глеб Погасий, подсевший к Ждану по собственной инициативе, в начале урока поднял руку:

— Можно, я пересяду?

Кукушка смотрел благосклонно. Девчонки хихикали; Глеб пробормотал извиняющимся тоном:

— Не могу, от этого мальчика опять так воняет...

— Вечно одно и то же, — раздраженно бросил математик.

Глеб пересел — присоседился к Владу; Ждан стерпел. Он еще не то терпел; возможно, сейчас он тешил себя мыслью, что *это* — в последний раз.

Ждан вовсе не был слабаком или тютей и, уж конечно, не был дураком. Ждан если и был полноват, то не слишком; просто он не подружился вовремя с Кукушкой — и поплатился за это тяжелее прочих, потому что у него была одна несчастная особенность: от него воняло.

Вероятно, его пот имел какой-то специфический состав. Вероятно, ему следовало почаще мыться; чем старше становился Ждан, тем заметнее делался запах, тем веселее шутили Кукушкины друзья, тем демонстративнее морщились девчонки.

Но сегодня был день рождения Ждана, и, возможно, накануне он два часа просидел в остывающей кадushке с раскисшим мылом в руках (Влад знал, что в квартале, где обитала семья Ждана, горячая вода бывает только в кадushках, и то — если ее предварительно согреешь в котле, а уголь в этих домах берегут как зеницу ока). Так или иначе — но от Ждана почти не пахло, и демарш Глеба на первом уроке был всего лишь цирком в угоду Кукушке, впрочем, как всегда...

На большой перемене Ждан носился по классу, раскладывая конфеты по партам, всем по две, а Кукушке — четыре. Потом, ударяя по струнам судорожно скрюченной рукой, что-то спел — совсем неплохо; Кукушка слушал, жуя, и по выражению его физиономии нельзя было понять ничего — странная безучастность на лице двенадцатилетнего мальчишки...

Впрочем, к тому времени Кукушке уже почти исполнилось тринадцать.

Прихлебатели тоже жевали и слушали — старательно нагоняя на лица скуку, им это было нелегко, потому что из-под наигранного равнодушия так и лезла привычная ухмылка. Линка Рыболов, ближайшая Кукушкина подруга, что-то шептала ему сзади на ухо; Кукушка кивал. Когда Ждан закончил петь, Кукушка вытащил изо рта белый комочек жвачки — но пульнул его не в Ждана, как ожидали многие, а в классную доску.

К налипшему шарiku сразу же добавилось еще пять или шесть — доска сделалась похожей на звездное небо, а Ждан просиял, потому что Кукушкин жест означал для него амнистию...

Во всяком случае, так ему показалось.

Перед самым звонком дежурные поспешно очистили доску и убрали валяющиеся в проходах фантики; оставшиеся три урока минули без происшествий, разве что Ждан отличился, напросившись на ответ по географии и получив заслуженную пятерку...

А после уроков все тот же Глеб Погасий зачем-то подошел к Ждану прощаться. И прощался долго и проникновенно, так что именинник смутился; когда Глеб отошел, в последний раз хлопнув Ждана по плечу, на спине у того остался наклеенный липкой лентой листок бумаги.

Линка Рыболов спряталась за шкаф, зажала рот руками и зашлась в беззвучной смеховой конвульсии.

Прочие отводили взгляд. Кто-то хихикнул — и сразу сник под Кукушкиным взглядом; Ждан почувал неладное, но не понял, откуда беда. Именинное настроение еще не померкло, еще верил, глупенький,

что Кукушку можно подкупить четырьмя шоколадными конфетами...

Те, кто не желал принимать участие в шутке — в основном девчонки, — поспешно смылись. Прочие копались в портфелях, ожидая, пока уйдет Ждан, чтобы сразу же выйти следом.

Влад разглядел табличку, когда Ждан был уже в дверях. Коротенькое гадкое слово, означавшее пожирателя кашек, снабжено было подробной чернильной иллюстрацией — как именно, где и кем эта трапеза совершается.

Влад не первый год учился в одном классе с Кукушкой и умел разговаривать не только по-человечески, но и на хлестком «кукушкином» языке — однако его чуть не стошнило. Он узнал руку Линки Рыболов — та не раз брала призы на каких-то конкурсах юных художников...

Ждан брел по длинному школьному вестибюлю; Владу вдруг страшно захотелось, чтобы по дороге ему встретился кто-то из учителей. Чтобы заметил белую бумажку на черной школьной курточке — и отлепил ее от сгорбленной спины именинника.

А потом последует нудный «воспитательный» час, нотации и выяснения, и Ждан, опять оказавшийся в центре всеобщего издевательского внимания, будет сидеть, втянув голову в плечи (он ведь старается не плакать на людях!). А Глеб Погасий снова будет объяснять, что от этого мальчика воняет, а Линка Рыболов, красивая девчонка с почти сформировавшейся фигурой, будет хлопать длинными ресницами и отпускать реплики, будто оправдываясь, и полкласса будет валиться под парты от смеха...

Нет. Пусть лучше Ждан придет домой (через три длинные улицы) и, сняв куртку, сам обнаружит на

спине своей художественную нашлапку. Никто не увидит его лица — если рядом не окажется матери или сестер. Потом соберутся гости — взрослые приятели Ждановых родителей, будут громко пить за его здоровье, а Ждан запрется в своей комнате...

Влад вдруг ясно понял, что на месте Ждана в такой ситуации просто лег бы и умер. Вот окошел бы от стыда и унижения — под здравицы пьяных гостей, доносящиеся из-за тонкой стены...

Школьный вестибюль был пуст — младшеклассники давно разошлись, старшие были уже на седьмом уроке. На расстоянии двадцати шагов за Жданом следовали, давая смех, Кукушкины прихлебатели. Ждан толкнул входную дверь.

Влад не собирался ссориться с Кукушкой. Вот если бы сегодня в школу пришел Димка Шило, Владов друг, — они бы вдвоем что-нибудь придумали... Но Димку сегодня повели к врачу, и его не будет. Влад совсем один, и зачем ему ввязываться...

Длинные шнуры Ждана стелились по земле. Владу ничего не стоило наступить ненароком на один из них, так что при следующем шаге Ждана из неаккуратного бантика получились две еще менее аккуратные веревочки.

— У тебя шнурок развязался, — сказал Влад равнодушно.

И когда Ждан наклонился, чтобы восстановить погибший бантик, — протянул руку и отлепил картинку с его спины. Скомкал и сунул в карман.

— Ты чего? — спросил Ждан, что-то уловивший краем глаза.

— Ничего, — сказал Влад.

Ждан подозрительно на него покосился. Потом сделал то, чего не делал ни разу в жизни, — подошел

к тройному зеркалу, помещавшемуся у входа, и осмотрел в него свою спину...

Ничего не увидел, пожал плечами — и пошел домой. Отмечать день рождения.

* * *

— Ты оборзел, придурок? Ты это рисовал, что теперь рвешь, засранец вонючий? Ты, блевотун, всему классу кайф обломал!

Глеб Погасий шипел, брызгая слюной, и зловеще прищуривал глаз, но Влад прекрасно понимал, что ему нужен сейчас не Глеб. Что единственное его спасение... Если оно вообще-то есть, спасение... Что оно стоит у Глеба за спиной, шагах в пяти. Что нужно до него добраться — сейчас. Завтра будет поздно... Завтра только ленивый не наклепит свою жвачку на его портфель, не плюнет в стакан с яблочным соком, не подхватит радостно то самое слово, так отравившее первый школьный год и теперь извлеченное — молодец Кукушка, ничего не забывает! — из каких-то особенных сундуков с отложенными до времени подлостями...

Влад не собирался ссориться с Кукушкой.

Владу ни к чему был этот демарш. Ждан не один год жил официальной жертвой. Это Влад полез бы вешаться от какой-то там бумажки, а Ждан — он выносливый...

По физкультуре у Влада было «четыре». Он неплохо бегал и здорово играл в футбол, зато подтягивался плохо и силовых упражнений не любил. Вот если бы рядом оказался Димка Шилов... Если бы сегодня, именно сегодня не вмешались в ход событий проклятые Димкины гланды...

Оставалась призрачная возможность, что все обойдется. Что завтра ничего не изменится. Забудут, не захотят связываться, простят, и надо только построить гримасу попрезрительнее, обойти Глеба — он все равно не дерется, только языком пачкает — и идти, идти себе спокойненько домой...

А Кукушка, стоявший у Глеба за спиной, был, несомненно, доволен. Что ему Ждан, давно наскучившая игрушка, когда можно прищучить кое-кого поинтереснее...

Не сводя глаз с орущего Глеба, Влад прижал подбородок к груди.

Как противно, как пусто, как щекотно в животе. Как слабеют колени. Как просто повернуться и уйти... перепрыгнув через Глебову подножку...

Рядом стояли Супчик и Клоун, оба на голову выше Влада, да и Кукушки выше на голову, переростки. Надо разозлиться, но злости нет. Только страх и брезгливость, но страх сильнее. Ну что вспомнить, ну?! Как Кукушка сует дохлого котенка в портфель Марфе Чисторой? Как Кукушка, привязав веревку к лапе живого воробьяныша, раскручивает его над головой под гогот прихлебателей? Как Кукушка лепит комочек жвачки на лоб покорного Ждана?

Вместо всего этого вспомнилось одно короткое слово. «Сын гулящей женщины, за ненадобностью подки...»

Удар Супчика удалось отбить, но рука сразу онемела. Удар Клоуна пришелся в ухо — у Влада потемнело в глазах, а мир вокруг запищал, но не по-комариному, а так, как пищит иногда забытый телевизор, показывая настроенную таблицу...

«Сын гулящей женщины... за ненадобностью...»

Супчик скорчился, держась за бок. Из носа Клоуна

летели какие-то бесцветные брызги, а Владов нос давно превратился в бесформенный комок боли. У Кукушки были мягкие, очень коротко остриженные волосы, зато ухо было большое, удобное, и...

Тьма перед глазами сгустилась.

— Дай ему! Дай ему еще! — надрывалась где-то рядом Линка Рыболов.

...и ни капли страха.

* * *

Влад стоял над светло-коричневой лужей в форме сердца. В луже отражались огромные ноги, выше маячили в рыжем небе узкие плечи, а над ними — совсем уж маленькая голова. Отражение подергивалось от ветра и оттого, что из разбитого носа нет-нет да и падала тяжелая капля.

Совсем рядом были чьи-то куры, бродящие у подножия детской железной горки. Ниже по склону — красные черепичные крыши, весенняя грязь на размытой дороге, причем на обочине валялся башмак, широко зевая беззубым, на клею, ртом...

В глубине души Влад надеялся, оказывается, что все это будет серьезнее. Что в один прекрасный момент он просто потеряет сознание, а потом над ним склонятся, как в кино, хлопотливые врачи, что случится «Скорая помощь», шум и разговоры, и большое собрание в школе, что героя, бившегося в одиночку против многих, будут ставить на ноги долго и трепетно, что все станут уважать его, и недельки через четыре, когда наконец он, бледный и похудевший, явится в свой класс — там уже не будет ни Кукушки, ни половины его прихлебателей, а оставшиеся — например,

трусливый Глеб Погасий — станут по струнке и не посмеют больше слова сказать без разрешения...

Теперь он был даже разочарован. Потому что нос болел ужасно, куртка была разорвана во многих местах, колено не сгибалось... и ничего героического в этом не было. Придется самому хромать домой и объяснять маме, что случилось, и видеть, как опускаются уголки ее рта и как оседают плечи. А завтра — ну, пусть не завтра, но послезавтра точно... придется идти в школу, не победителем, а побитым, подставлять лоб под жвачку, подставлять зад под унижительные пинки исподтишка, с хихиканьем, с шуточками... Читать всякие надписи на стенах в туалете, а как их не прочитывать, если они полуметровые...

И это проклятое слово!..

Он переступил с ноги на ногу, по луже кругами разошлись маленькие волны. Куры, подобравшиеся совсем близко, шархнулись прочь.

...Придется драться, драться, драться. За каждую ухмылку следует бить по морде, а сколько их будет? Влад невольно потянулся к носу, коснулся и отдернул руку — черт, как больно.

И Димке достанется — из-за него, из-за Влада...

А что скажет мама?!

Придется бросить сочинительство и шахматы и пойти на какой-нибудь бокс... или бой без правил... Мечтать о реванше... И всю жизнь превратить в такой вот неправильный бой: ради чего?! Из-за кого?! Как унижительно, какой-то там Кукушка будет ему указывать, о чем мечтать и чем заниматься...

Влад поднял с земли грязный портфель. Половина тетрадок потерялась, еще придется оправдываться перед учителями... Может быть, выбрать кухонный нож, у которого сталь получше, и наточить на Кукуш-

ку? Но тогда в исправительную колонию загремит он, Влад, а Кукушка, наоборот...

Не додумав, он закинул портфель на плечо — поморщился от боли — и побрел, не разбирая дороги, мимо беззубого башмака, мимо кур, мимо горки, мимо кем-то выброшенного плюшевого зверя, неприятно похожего на настоящую падаль, побрел, хромая, шмыгая носом, сам не зная, зачем и куда.

Ноги привели не домой, а к Димке. Влад позвонил. Долгие две минуты ждал: если «Кто там?» спросит Димкина мама — будет еще время потихоньку слинять...

— Кто там? — спросил мрачный Димкин голос.

— Я, — быстро сказал Влад.

Дверь открылась. Димка разинул рот, собираясь что-то сказать, — и так и замер, будто проглотив теннисный мяч.

— Мне помыться надо, — сказал Влад. — И... Дай какую-нибудь рубашку. А то мать перепугается до смерти.

Димка ни о чем не спросил.

Все и так было ясно.

* * *

— Разумеется, — сказал врач. — Совершенно все ясно, полное горло ангины, можете сами глянуть...

И снова посветил фонариком в несчастное Владово нутро.

Мама тяжело вздохнула. Врач сочувственно поцокал языком:

— Ничего страшного... Горло полоскать, нос заживет сам, синяки сойдут... Хотя на вашем месте я бы все-таки сходил в школу.

Мама кивнула. Влад ничего не сказал — говорить было, во-первых, больно, а во-вторых, бесполезно.

— Это в первый раз такое, — дрожащим голосом проговорила мама.

Врач понимающе покивал, выписывая рецепт. На кончике его ручки болталась шелковая кисточка — ручка была сувенирная, кем-то из родственников откуда-то привезенная и теперь хранимая в нагрудном кармане, оберегаемая, «говорящая»...

— Освобождение пока на неделю, — сказал врач, — а там посмотрим. Полоскание каждые два часа, витамины, теплый чай...

Влад откинулся на жесткую, стоямя поставленную подушку. На неделю он свободен от школы. Семь дней... И все сначала. Кукушка ничего не забывает, что ему какая-то неделя?!

Вернулась мама, проводившая врача. Остановилась посреди комнаты, хотела что-то сказать — но передумала. Снова вздохнула, удалилась на кухню, вскоре засвистел чайник...

Влад распластал подушку и лег, закрыв глаза. Надо собраться с доводами и объяснить маме, почему ходить в школу ей не следует...

Доводы не желали собираться. Беспорядочно разползались, будто сваленная в огромную кучу старая обувь.

* * *

Все мальчишки, которых воспитывают мамы, вырастают похожими на девочек. Эту глубокомысленную фразу Влад слышал тысячу раз — в детском саду, в школе, во дворе. У него даже был одно время взрослый знакомый, студент-технар, который на полном

серьезе утверждал, что для того, чтобы «вырваться из-под маминого подола», Влад должен ежедневно прилагать уйму специальных усилий: лазать по крышам, убегать с уроков, бить из рогатки фонари — короче, вести себя как «нормальный мальчик». Не как «маменькин сынок».

Студент был красноречив и даже в чем-то убедителен. Влад так и не понял, зачем ему понадобилась эта агитационная кампания против «сидения под юбкой»; вероятно, дело было в каких-то собственных студентовых проблемах. У студента были голубые, выпуклые, очень выразительные глаза; глядя прямо в эти глаза, Влад сказал однажды, что ему не нравится лазать по чердакам. Что у него есть дела поважнее. И что, если придется выбирать, огорчить ли маму или презирать «мужчину» в себе, — он, Влад, с легкостью пожертвует «мужчиной». Потому что на кой черт такой «мужчина» нужен?!

Ему было одиннадцать лет.

Студент скривился, как от кислого, и навсегда раззнакомился с «сынком» и «любимчиком». И Влад не жалел о потерянном знакомстве. Просто у студента, наверное, не сложились отношения с собственными родителями...

Теперь, лежа в постели, Влад шкурой ощущал, как мама растеряна и огорчена. И как ей хочется пойти в школу — не то затем, чтобы пожаловаться директору, не то затем, чтобы собственноручно кинуться в драку и приложить об стенку всех школьных «кукушек», не разбирая, кто прав, кто виноват.

И как ей хочется расспросить его, Влада, и как она сдерживается. Молчит.

— Мам, — позвал Влад.

Она подошла. Молча села на край кровати.

* * *

Прошло пять дней. На улице сделалось ощутимо теплее. Синяки в который раз поменяли оттенок, горло успокоилось и почти не болело, и, что самое неприятное, упала температура — ртутный столбик застрял на отметке тридцать шесть и пять, а колдовать над термометром, как это принято у ленивых школьников, Влад считал ниже своего достоинства.

Вставать не хотелось. Грустное словосочетание «постельный режим» обернулось на этот раз убежищем, хомячьей норкой под тоннами снега, и Влад лежал в ней, подтянув колени к животу и укрывшись чуть не с головой. При мысли о школе накатывала тоска, грязно-бурая, похожая на сухую засвеченную фотобумагу.

Мама по-прежнему ни о чем не спрашивала. Ждала, пока Влад расскажет сам; он колебался. Не хотелось перекладывать свои проблемы на мамины плечи. Не пойдет же она драться с Кукушкой, на самом деле...

Димка звонил каждый день, но Влад просил его пока не приходить. Димка был человеком тактичным и не настаивал.

Врач тоже был человеком тактичным, но от его посещения отвертеться не удалось.

— Как ты себя чувствуешь?

Влад пожал плечами.

— Ну еще дня на три я могу тебе дать освобождение, — сказал врач вполголоса, когда мама зачем-то вышла на кухню. — Но не больше... понимаешь? Проблемы все равно надо как-то решать...

Влад кивнул. Врач распрощался.

— Может, позвонишь кому-нибудь, узнаешь уроки? — спросила мама.

— Да, — сказал Влад.

В тот же момент задребезжал телефон.

— Тебя, — сказала мама.

— Димка?

— Нет. Какая-то девочка...

С неприятным предчувствием Влад взял из ее рук тяжелую, не успевшую нагреться трубку.

— Привет, — сказал знакомый напряженный голос, — это Марфа Чисторой... Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказал Влад. — У меня ангина.

— Да? — Голос почему-то погрузнел. — А когда ты придешь в школу?

— Еще не скоро, — соврал Влад.

— Да?! — Голос прямо-таки зазвенел от напряжения. Владу представилось, как чистенькая Марфа сидит привязанная к стулу и под дулом пистолета задает ему дурацкие вопросы. — Ты что, серьезно болен?

— Говорю — ангина...

— Может, тебе уроки занести?

Владу сделалось смешно. Влюбилась она, что ли? Чисторой?!

— Не надо, — сказал он жестко. — Извини, мне нельзя много разговаривать.

И положил трубку.

* * *

Марфин звонок волновал его часа полтора — до самой темноты. У него даже улучшилось настроение — он вообразил себе, что слава его все-таки существует, что она расползлась по классу и по школе, что каждое утро девчонки дожидаются его у входа — а вдруг сегодня придет?! Что в глазах одноклассников он все-таки не побитый щенок, а человек, восставший

против Кукушки, храбрец, не побоявшийся выйти в одиночку против всей этой стаи...

В восемь вечера вдруг позвонили еще. Другая одноклассница, Дана Стасов, интересовалась его здоровьем.

«Сговорились они, что ли?» — почти весело думал Влад, повторяя почти слово в слово все, что сказал Марфе Чисторой.

Мама покончила с делами и села играть с Владом в шахматы. Странно, но он, против обыкновения, не получал от игры почти никакого удовольствия — все думал, и мысли его незаметно соскальзывали к выяснению, кто красивее — Марфа или Дана, и у кого больше глаза, и вообще...

— Твой ход, — в который раз напомнила мама. — Ты играешь или что? Я так не стану...

В этот момент телефон зазвонил опять.

— Влад? Это ты? Как ты себя чувствуешь?

Он, кажется, почти не удивился.

Они звонили одна за другой — девчонки из его класса, и те, с которыми он водился, и те, с которыми он не водился, и те, кто тайно вздыхал по нему, и те, кто не упускал случая сказать о нем гадость. Они звонили, чтобы узнать о его самочувствии; почти у всех — Влад обратил внимание — были испуганные, иногда на грани слез голоса.

Он разозлился. Издеваются? Девчонки? По наущению Кукушки? Но ведь половина из них никогда Кукушке не прислуживала, да и вообще...

Потом позвонил Ждан. Долго извинялся за беспокойство; предлагал сбежать за лекарствами, или принести уроки, или еще что-нибудь, мед, например, есть хороший...

Значит, все-таки слава? Признание?!

Влад сдержанно поблагодарил Ждана за заботу и, пожаловавшись на боль в горле, поскорее оборвал разговор. Что-то в голосе Ждана... что-то покорное, приторное... мешало ему насладиться как следует своим триумфом.

Едва распрощавшись со Жданом, он перезвонил Димке:

— Привет... Слушай, что там такое? В школе?

— Ничего, — удивленно отозвался Димка. — Просто на удивление тихо, даже эти шакалы не ухмыляются...

Влад заколебался: рассказывать про девчоночьи звонки? Не рассказывать?

— Сколько можно занимать телефон? — спросила мама.

— Извини, — быстро сказал Влад. — Меня тут от телефона гонят... Ну, пока.

И положил трубку.

Мама тем временем ушла на кухню, и шахматы сами собой отменились; Влад улегся с книгой, но через минуту телефон заорал опять.

— Палий? Приветик. По тебе тут все так соскучились...

Голос у Линки Рыболов был веселый-веселый, целлулоидно-радостный, как у говорящей куклы.

— Пошла вон, — устало сказал Влад и положил трубку.

— Ты что?! — возмутилась вернувшаяся в комнату мама. — Девочке? В таком тоне?!

— Это Линка Рыболов, — сказал сквозь зубы Влад.

И тут же снова затрезвонил телефон; Влада передернуло.

— Возьми! — попросил он маму и укрывшись с головой..

— Да, — удивлялась мама за тонкими стенками его темной берлоги. — Нет... Еще несколько дней он будет дома... А кто его спрашивает? Лина? Ах, Лина...

Влад закрыл уши.

Все. Это розыгрыш. Это дурацкая Кукушкина инсценировка. Они его уже и дома достали, не могли три дня обождасть... И Ждан с ними! Хотя чего тут удивляться... Но — Марфа?! С Кукушкой?! Бред. Может, в самом деле — бред?

И Димка-то! Димка не стал бы врать. И Димка не мог ничего не заметить, он же не слепой...

В половине десятого пришлось отключить телефон.

— А чему ты так удивляешься? — рассеянно спрашивала мама. — В мое время было нормой, чтобы одноклассники интересовались здоровьем... Звонили, бывало, и по многу раз на дню...

— Все? — саркастически осведомился Влад.

— Не все, — спокойно отвечала мама. — Но ведь и тебе не все подряд звонили, правда?

Влад задумался. Ему перезвонили почти все девчонки класса... из ребят только Ждан, если не считать еще и Димку.

— Значит, ты пользуешься успехом у девочек, — невозмутимо продолжала мама. — По мне, это скорее хорошо, чем плохо, ведь обычно девочки предпочитают старших ребят...

— Они издеваются, — сказал Влад.

— Не думаю, — после паузы призналась мама. — Я все-таки... не совсем дурочка, правда? Так вот, эта девочка, которую ты так не любишь, Лина, кажется? Да... Так вот, она не издевалась. Она была... смущена... ей было неловко, она прикрывалась фальшивой весе-

лостью... но она не паясничала... во всяком случае, мне так показалось.

Влад подумал, что нормальная девчонка, сколь угодно влюбленная, никогда бы не перезвонила после его «пошла вон». А зачем перезвонила Линка?!

«Дай ему! Дай ему еще!»

Ему не нравилось это внезапное всеобщее внимание. Он решил поскорее заснуть.

* * *

На другой день утром мама ушла на работу, и Влад остался один; в мамино отсутствие он не считал нужным лежать в постели, тем более что болезнь его, честно говоря, давно закончилась. Подсев к письменному столу, он вытащил из верхнего ящика толстую тетрадь в желтой клеенчатой обложке, пролистал первые несколько страниц, исписанные мелким неровным почерком, перечитал последние строки «...и мальчики пошли домой, чтобы скорее успеть. Вдруг циферблат на руке Юрки вспыхнул красным светом, и знакомый голос сказал: «Мы потерпели аварию на крыше! Скорее бегите туда!» Конец третьей главы».

Влад улыбнулся, чувствуя, как поднимается внутри приятная игольчатая волна. С некоторых пор сочинение историй было ему не менее интересно, чем чтение. А порой даже интереснее...

Нервно потеряв ладони, покусав губу, он вывел посреди следующей строчки: «Глава четвертая».

«На верхней лестничной площадке, перед самым выходом на крышу, стоял человек в кожаном плаще. Мальчики отпрыгнули назад — но было поздно. Человек повернул голову — глаза у него светились красным...»

И, вообразив себе этот взгляд, Влад готов был затрепетать от сладкого ужаса — когда в передней грянул дверной звонок.

Влад вздрогнул. В присутствии мамы звонок звучал совсем по-другому, деликатно, как тихий стук в дверь, зато когда мамы не было — это был требовательный вопль, подобный грохоту кованых сапог и пудовых кулаков в кожаных перчатках.

«Человек повернул голову — глаза у него светились красным...»

Влад боком встал со стула. С беспокойным сердцем подошел к окну и, незаметно отодвинув занавеску, выглянул наружу.

Он ожидал увидеть кого угодно — не вовремя явившегося слесаря, почтальона с телеграммой, участкового полицейского, — но у двери стоял Димка Шило! А ведь уроки только что начались!

Беззвучно взвизгнув от восторга, Влад запрыгал вниз через две ступеньки. Отпер дверь:

— Заходи! Да заходи же! Ты что, с уроков смылся? Димка смущенно улыбнулся.

Влад не пытался даже скрыть, как он рад. А рад он был ужасно. Он здорово соскучился по Димке. И надо было столько всего рассказать...

Димка пожал протянутую Владову руку. Протянул кулек с двумя сморщенными яблоками. Отступил, качая головой:

— Не-е... Я с физики смылся. Мне надо обратно, чтобы на ботанику успеть. Я — так, на минутку... Яблоки принес. Жри, поправляйся.

— Да я и так уже, — Влад потрогал кончик носа и почему-то вдруг смутился.

— Уже можно к тебе приходиться? — деловито осведомился Димка.

— Ага...

— Ну так жди!

И Димка сбежал, отказавшись от чая, а у Влада еще долгое время было приподнятое настроение: вот что люди делают ради дружбы! С физики сбегают!

Он вымыл яблоки и задумчиво съел одно за другим. Написал три странички в тетрадке — про то, как мальчики ни с того ни с сего стали пленниками человека (на самом деле робота!) в кожаном плаще и с красными глазами. Потом сочинительство застопорилось; чтобы собраться с мыслями, Влад взобрался на диван, уперся локтями в подоконник и стал смотреть на улицу. Торговала овощами небольшая лавка напротив, проехал наполовину пустой автобус, прокатил почтальон на мотороллере...

К лавке подошли, как бы между прочим, две девчонки из его класса. Эти-то были заядлыми прогульщицами; им ничего не стоило удрать с уроков, найти укромное местечко и покурить, например, или просто посплетничать...

Но почему это укромное место оказалось напротив окон их с мамой квартиры? Почему этой парочке среди бела дня вдруг потребовались лук и свекла, а не жвачка и мороженое, как обычно?

Девчонки вошли внутрь. Сквозь матовое стекло Влад видел, как они стоят у прилавка, как покупают что-то (морковку?), направляются к выходу...

Обе стояли у дверей овощной лавки и глазели прямо на Влада. Увидели его в окне, заулыбались, замахали руками. Проходивший мимо сосед недоуменно от них шарахнулся.

Влад состроил гримасу и задернул занавеску.

Спустя несколько секунд зазвенел звонок. Влад выглянул — обе красотки стояли под его дверью;

вспомнился рассказ кого-то из мальчишек о том, как непрошенных визитеров поливали водой из замочной скважины, используя для этого резиновую клизму...

Где хранится клизма, он не знал. Да и вообще, много чести, он же не детсадовец. Сами уйдут, надо только не обращать внимания.

Звонок резал уши. Вытерпев минуты три, Влад спустился; странно, что одноклассниц не отпугнуло выражение его лица. Наоборот, они почему-то развеселились:

— Морковки хочешь?

— Нет.

— А от ангины очень помогает морковка...

— А от наглости что помогает?

— А мы не к тебе вообще шли, — сказали обе в один голос. Переглянулись. И снова в один голос: — Мы просто в магазин...

— Ну так и привет. — Влад захлопнул дверь, постоял в прихожей в ожидании нового звонка, но девочки смылись. Растаяли как дым.

* * *

В половине второго, когда уроки закончились, посетители повалили один за другим. Повторялась вчерашняя история со звонками — но если трубку можно положить в любой момент, то дверной звонок так просто не отключишь.

После пятого по счету визита (Игнат Синица, в классе сидевший у Влада за спиной и всегда передиривший контрольные) Влад вывернул пробку в электрическом счетчике. Перестал ворчать холодильник, погасла настольная лампа; Влад плотно задернул шторы, устроился на диване и взялся вести наблюдение

через дыры в ткани (прежде их было три, но четвертую пришлось проделать ради полноты обзора).

В овощной лавке торговались сразу три его одноклассницы и один одноклассник. Еще две девчонки делали вид, что ждут автобуса на остановке; Влад видел, каким неприятным сюрпризом для каждого из «детективов» была встреча с конкурентами. Как они поначалу отворачивались, и прятались, и делали вид, что попали сюда случайно...

Вечерело. Под окном собралось человек пятнадцать; тут были и Супчик, и Клоун, и Глеб Погасий, и Кукушкины прихлебатели, и Линка Рыболов, и Ждан, и Марфа Чисторой, и Дана... Половина класса. И все стояли и глядели на окна, и в какой-то момент Влад с ужасом подумал: а как мама?! Вот она придет с работы и увидит темный дом, толпу внизу... Что она должна думать, скажите пожалуйста?!

Зажглись фонари. Влад не слышал, о чем переговариваются его одноклассники, — но видел, что они угрюмы и злы. Случилась потасовка между Супчиком и Клоуном; Линка заехала по загривку Глебу, а тот побоялся давать сдачи. Что им надо от меня, думал Влад, чуть не плача. Чего они хотят, что я им сделал...

Он был близок к тому, чтобы открыть форточку и сбросить на визитеров вазон с алоэ, когда на сцене появилось новое действующее лицо. Учитель математики и физики, тот самый, чей урок прогулял сегодня Димка Шило.

Математик шел по улице и смотрел на номера домов, сверяясь с записной книжкой. Влад навсегда запомнил, какое у него было при этом лицо — очень сосредоточенное, как у хирурга перед операцией; это выражение очень не шло ему. (Математик похож был на плюшевого гнома — такой же мягкий с виду,

круглоносый и круглощекий. Тем из учеников, кто позволял этой карамельной внешности ввести себя в заблуждение, нелегко было потом выкарабкаться хотя бы на четверки, потому что математик был придирчив и злопамятен и учеников своих любил, как огонь любит щепки.)

Когда математик увидел толпу своих воспитанников перед дверью нужного ему дома — лицо его утратило озабоченность и на секунду поглупело. К его чести, он очень быстро овладел собой; Влад, наблюдавший за ним сквозь два стекла и дырку в занавеске, предположил, что учитель хвалит Кукушкину шайку за проявленное к товарищу внимание. Очень хорошо, что так много ребят явились навестить больного. И очень странно, что больной не открывает, вообще не подает признаков жизни...

Математик твердым шагом направился к порогу и решительно нажал мертвую кнопку звонка.

Никакого звука, конечно же, не последовало. Наоборот — тишина в темном доме сгустилась сильнее будто бы нарочно.

Влад спустил ноги с дивана.

Математика не была его сильным местом. До сих пор только их с учителем взаимное уважение помогало ему не скатываться до позорной тройки.

...Когда дверь наконец-то открылась, учитель даже отпрянул. Маленькие глаза его широко раскрылись; в следующую секунду он шагнул вперед, поспешно — будто опасаясь, что Влад возьмет да и захлопнет дверь прямо перед его носом.

А за круглой спиной учителя толпились одноклассники. Именно толпились, как в автобусе, хотя улицы на всех хватало. Несколько раз математика ощутимо толкнули в спину — но он будто не заметил.

— А у нас света нет, — сказал Влад в ответ на все эти жадные, вопросительные, странноватые взгляды. — Света. Нет.

Математик рассмеялся с явным облегчением. Как будто у него гора с плеч свалилась:

— А... Одноклассники пришли проводить... А у вас, оказывается, света нет!

— Мама на работе, — сказал Влад.

Математик смутился.

Наверное, только теперь он увидел ситуацию со стороны: вечер, больной ребенок один в доме, света нет, и толпа однокашников во главе с учителем прямо-таки ломится в дверь...

— Мы, вероятно, не вовремя, — сказал математик. Облегчение на его лице сменилось напускной обеспокоенностью. — Но по телефону все время занято... Как ты себя чувствуешь?

Влад стоял в дверях в трикотажном спортивном костюме. Весенний ветер вовсе не был теплым.

— Еще плохо, — сказал Влад.

Он видел, как наиболее наглые его одноклассники, те самые, что оказались в первых рядах и едва не сбили учителя с ног, теперь понемногу убираются в стороны, а их место занимают новые. Он видел, как недоверчиво всматривается Линка Рыболов — будто определяя, настоящие ли веснушки у него на носу и не подрисованы ли брови. Он видел, как часто хлопает ресницами Марфа Чисторой — будто от сильного ветра.

— Ну, иди отдыхай, — сказал математик. — Так бы, конечно... но если нет света... а мама на работе... может быть, помочь тебе починить свет?

— Перегорела пробка, — сказал Влад.

— Это просто, — учитель оживился. — Ребята, где

здесь поблизости магазин? Еще не закрыто — надо купить электрическую пробку!

— Спасибо, мама принесет, — быстро сказал Влад.

Вокруг учителя стояли теперь только Ждан, Глеб да пара девчонок. Основная масса посетителей переместилась к автобусной остановке, Супчик и Клоун, не скрываясь, закурили...

— Ну, выздоравливай, — сказал математик.

А Ждан неожиданно протянул руку — и коснулся линиялого Влодова рукава.

* * *

— Да, странновато-чудесато, — сказал Димка. — Знаешь, я думаю, это из-за Кукушки. Они тебя зауважали. Говорят, ты его прямо-таки по стенке размазал. Я сам видел, какой у него фингал на роже...

— Ничего я его не размазал, — с сожалением признался Влад. — Я до него один только раз дотянулся... Или два. И вмазал. А так... Их же там двое или трое дрались, и еще человек десять подгавкивали. Линка Рыболов...

— Кстати, Линка в другую школу перешла, — сказал Димка. — Перевели родители.

— Да? — обрадовался Влад.

И устыдился своей радости.

Подумаешь...

* * *

Учителя, даже те, кто прежде был к Владу совершенно равнодушен, почему-то очень радовались его появлению. Едва переступив порог, оглядев класс и

увидев Влада на обычном месте, не могли сдержать улыбки:

— Палий! Ну наконец-то! Как здоровье?

Влад заранее рассудил, что благосклонностью учителей лучше не пренебрегать, и всякий раз отвечал смиренно:

— Спасибо, гораздо лучше... Температуры уже нет...

Он ничему не удивлялся — после того, что случилось с Кукушкой.

Влад ждал этой встречи. Влад готов был к ней — и не был готов. Отчаянно трусил. Дрожал, как заяц; ждал первого мутного взгляда, первого шарика жвачки на своем портфеле, первой ухмылки, первого пинка...

Он вошел в класс — и сразу же наткнулся на Кукушку. Тот рылся в своей сумке... Услышав шаги Влада, выпрямился, обернулся...

И обрадовался.

Никто не видел прежде, как радуется Кукушка. То есть радость от очередной подножки случалась, конечно, — но то была другая радость; теперь Кукушка улыбнулся, сразу став будто на три года младше, лицо его на мгновение сделалось даже симпатичным, человеческим...

И, будто испугавшись, Кукушка снова скрючился, снова полез в сумку, хотя искать там, как понимали и Влад и Кукушка, было уже нечего.

Влад тихо прошел к своему месту. Сел...

Ему было двенадцать лет. Конечно, он не понял тогда, что произошло.

Более того — он, дурачок, даже доволен был таким поворотом дел.

Глава 2

ДЕВОЧКА

— Если он тебя не пригласил, может быть, со мной потанцуешь?

Девчонка вздрогнула и оглянулась.

Она была на полголовы выше Влада. Но это из-за босоножек; убрав у нее из-под пяток немыслимых размеров шипы, вполне можно было бы сравнить позиции.

— Я говорю, может, со мной потанцуешь? Раз уж он другую пригласил?

Девчонка покраснела. Ход ее мыслей отражался на лице: девчонка раздумывала, отвесить ли Владу пощечину.

Завидный Кавалер, парень лет семнадцати, минуту назад пригласил попрыгать под музыку ее товарку, куда менее симпатичную, зато ярче накрашенную. Влад наблюдал процесс разочарования от начала и до конца; собственно, Влад и ходил на танцы ради такого вот «кино», жанровых сценок, которые здесь чередовались не переставая.

— Ты малявка, — разочарованно признала девчонка.

— Мне четырнадцать, — возмутился Влад. — Сними каблук — увидим, кто малявка...

Девчонка проводила взглядом Завидного Кавалера.

— Ну, пошли, — согласилась с неохотой.

Лучше, вероятно, танцевать с малявкой, чем весь вечер подпирать стену.

Собственно, танцплощадка напоминала собой темный дремучий лес, где все деревья сошли с ума и,

повыдергав из земли коренья, принялись прыгать и вихляться. Сквозь танцующие «стволы» с трудом продирались цветные лучи вертящихся прожекторов; музыка гремела — затыкай уши. Владу только и оставалось, что уворачиваться из-под каблуков партнерши: он прекрасно понимал, что ей достаточно наступить на ногу всего лишь раз, чтобы человек надолго потерял способность к прямохождению.

Она была симпатичная. Даже хорошенечкая. И она была совершенно незнакомая — Влад не видел ее никогда в жизни. Ни в школе, ни в парке, ни на танцплощадке, ни в магазине — нигде...

Агрессивная музыка сменилась лирической. Танцоры вокруг перестали прыгать, переобнялись парно и безвольно повисли друг на друге, плавно покачиваясь, будто медузы в глубине моря.

Девчонка помедлила — и положила руки Владу на плечи.

— Тебя как зовут? — спросил он.

— Иза.

— Какое кра...

Он запнулся, понимая, что говорит банальность. Что всякий, желающий с ней познакомиться, начинает именно с этого.

Она смотрела насмешливо. Ждала продолжения.

— А меня Влад, — сказал он. — Между прочим, чемпион района по шахматам.

— Да? — она удивилась. — А ты из какой школы?

— Из сто тридцать третьей.

— А я из шестьдесят пятой...

Ее каблуки опасно вонзались в пол рядом с ботинками Влада.

— Ты часто на танцы ходишь? — спросил он, стараясь держаться подальше.

— В первый раз пришла, — призналась она почему-то с обидой. — Ну и не нравится мне тут, все дураки... Мозгов нет, так ногами дрыгать...

— Ну почему же сразу нет, — примирительно сказал Влад. — Мозгов, в смысле.

— Я домой пойду, — сказала Иза, и, будто услышав ее, медленный танец закончился.

— Я провожу тебя? — предложил Влад.

— Зачем?

— А если нападет кто-то?

— А ты защитишь? — она фыркнула.

— Я же чемпион по шахматам, — сказал он укоризненно.

— Что, доской по башке?

— Мозгами, — он постучал пальцем по лбу. — Впрочем, если не хочешь, могу не провожать...

* * *

Ей было пятнадцать лет, она была круглая отличница, ее репортажи очень ценились (по ее словам) на конкурсах юных журналистов. Желая острых ощущений, она оторвалась от книг и заявила на танцплощадку (мне там ничего не интересно, но журналист, он же всюду должен побывать?), в результате возвращалась домой в полнейшем разочаровании, а тут еще пугается под ногами этот малолетний ухажер...

Последнюю фразу она не произносила вслух — но иногда бросала на Влада взгляды, исполненные царственного недоумения. Почему рядом с ней оказался этот мальчишка, а не Завидный Ухажер в кожаной куртке?

Она жила в двух автобусных остановках от парка. Влад проводил ее до железной калитки, на которой

черный кованный дракон держал в зубах табличку с номером восемнадцать.

— Жаль, — сказал Влад, прощаясь.

Она поколебалась — и снизошла все-таки до вопроса:

— Чего жаль?

— Жаль, что на нас не напали, уж я бы надавал им по зубам...

Она не выдержала — и улыбнулась. В глазах ее чуть ли не впервые промелькнуло подобие интереса.

— А ты занятный парень... Хвостун.

* * *

Они стали встречаться. Чинно-благородно, за шахматной доской, как примерные воспитанные детки.

Влад приходил к Изе с шахматами под мышкой — а родителей ее обычно не бывало дома — и терпеливо ждал, пока она покончит с уроками (Иза щеголяла перед ним новыми темами — «это вы еще не проходили» и задачами — «а это тебе никогда не решить»). Потом они пили чай с неизменными бубликами и садились играть.

Иза была далеко не дура, и кое-чему Влад успел ее научить; впрочем, шахматы скоро надоедали ей, и на смену приходила колода карт, такая старая, что казалось, ее долго хранили в рыбьем жире. В картах Иза не знала себе равных; обыграв Влада несколько раз подряд и подкормив тем самым свое вечно голодное самолюбие, она либо выставляла его за дверь («ну уходи, скоро родители вернутся»), либо, в порядке большой милости, соглашалась пройтись по скверу.

В этот час в скверике было темно. Влад прекрасно понимал, что в светлое время суток Иза никуда с ним не пойдет — а вдруг девчонки увидят?!

Иза была все-таки очень неопытна, несмотря на апломб, и недооценивала зоркость девчонок. Однажды вечером так и случилось — под одиноким фонарем, бодро желтевшим на краю скверика, сошлись Иза, шагающая бок о бок с Владом, и три девицы «в поисках приключений».

Девицы ничего не сказали. Девицы принялись перемигиваться, надувать щеки, хихикать и шептать друг другу на ухо; даже Влада проняло в какое-то мгновение: ну что он, карлик? Калека? Оборванец? Что странного в том, что Иза гуляет по скверу с парнем, который на год ее младше? Даже если он невысок ростом? Даже если на нем не кожаная куртка, а обыкновенный школьный костюм?

Девицы продолжали шептать и хихикать, подобно маленькому шумовому оркестру; они не умели иначе. Да будь Влад хоть великаном в мотоциклетном шлеме, они все равно нашли бы к чему придрататься, и фыркали бы, и перемигивались с особым остервенением; возможно, они просто завидовали.

Когда девчонки остались далеко за поворотом дорожки, Влад открыл рот, чтобы сообщить об этом Изе. Не дожидаясь его комментариев, Иза молча развернулась и ушла в темноту.

— Эй, ты чего?!

Нет ответа.

В тот же вечер он позвонил ей. Он хотел объяснить взрослой, но глупой девочке, как неразумно мучить себя, обращая внимание на выходки малолетних стерв.

— Сиди дома, сопляк, — сказала Иза дрожащим от злости голосом, — оставь меня в покое... и навсегда забудь этот телефон, понял?!

* * *

Была весна.

С того самого дня, как начал таять снег, Влада не покидали не мысли даже — ощущения о будущем. Теперь снег сошел весь, почки напряглись, из-под хлама и мусора повсюду лезла неукротимая зелень, и Влад пошире раскрывал форточку, чтобы впустить в квартиру как можно больше весеннего запаха.

Он знал, что не останется в городке навечно. Что, едва закончив школу, уедет — возможно, далеко, а возможно, и не очень. Дело не в расстоянии, вернее, не в том расстоянии, которое можно отмахать по железной дороге; дело во внутренней дистанции, которую предстоит еще одолеть. Когда он вернется — а он вернется! — у его бывших однокашников будет повод для суеты...

А Иза — та вообще будет горько-горько плакать. Тайком ото всех. Потому что Завидный Ухажер в кожаной куртке к тому времени сопьется, и... Почему девчонки такие дуры? Даже те, кто учится на «отлично»? А может быть, отличницы — дуры в особенности?

Он не выдержал и поделился обидой с Димкой. Тот долго молчал, потирая кончик носа, а потом рассказал в ответ свою собственную историю, приключившуюся этим летом в лагере; Влад испытал молчаливый приступ благодарности к другу, ответившему откровенностью на откровенность. То, что Димка выдумал добрую половину душещипательных подробностей, значения не имело.

Может быть, устроить клуб ненавистников девчонок, предложил Димка, и Влад задумался. Ты знаешь, сказал он наконец, это как-то несолидно. Когда мне

было лет одиннадцать, я действительно терпеть их не мог... А теперь я их жалею. Это же надо — так переживать из-за каких-то трех хихикающих дур!

А ты вообрази, сказал Димка, что ты идешь со своей Изой, а у нее, к примеру, одна нога короче другой... Идешь, а тут стоят Кукушка с Клоуном и хихикают... Что бы ты подумал?

У меня, по-твоему, одна нога короче другой, возмущился Влад. Нет, сказал Димка, это я так, для примера...

Ночью Владу приснилась Иза — во сне он все пыривался измерить, одинаковой ли длины ее ноги. Ноги были очень длинные, портновской ленты-сантиметра не хватало, Влад начинал с пятки и мерил, поднимаясь все выше и выше, но Иза выскальзывала, будто намазанная мылом, и кричала, чтобы он забыл номер телефона...

Спустя три дня после инцидента в скверике мама сказала:

— Кто-то звонил и молчал в трубку. Может быть, это тебе?

Влад пожал плечами. Была вялая мысль, что, может быть, это Марфа Чисторой решила таким образом напомнить о своем существовании...

Спустя еще два дня, вечером, когда Влад совсем уж собирался в постель и дочитывал последнюю страничку на сон грядущий, телефон зазвонил снова.

Влад не любил поздних звонков.

— Привет, — тихо сказала Иза.

Влад не поверил своему уху, левому, к которому была прижата трубка.

— Ты у меня свои шахматы забыл, — сказала Иза еще тише.

— Я их тебе дарю, — сообщил Влад и собрался было положить трубку, но почему-то этого не сделал.

— Я заболела вообще-то, — сказала Иза так тихо, что обычные телефонные шорохи почти заглушили ее голос. — У меня это... с давлением... Может, меня послезавтра в больницу заберут...

— С каким давлением? — спросил Влад раздраженно. — Какое давление, тебе что, сто лет?

Иза ничего не ответила, только вздохнула.

— Ну, спокойной ночи, — сказал Влад.

— Спокойной ночи, — еле слышно отозвалась Иза.

* * *

На следующий день было воскресенье. Все утро Влад валялся в постели и размышлял.

Что он, в сущности, знает о девчонках? Кроме того, что они носят платья, красят ресницы и в среднем выше пацанов на полголовы?

Какое такое знание говорит ему, что звонок от Изы — нонсенс? Что это неправильно? Что она не должна бы звонить?

А может быть, он мало знает о себе? В мировой истории полно ловеласов, которые, будучи ничем внешне не привлекательны, покоряли сердца наигордейших дам — просто так, ради спортивного интереса...

Влад не выдержал и расхохотался.

— Ты чего? — спросила мама.

— Вообрази — девчонки житья не дают!

Мама сдержанно улыбнулась:

— Смотри у меня...

Он стал смотреть.

Его, Влада, все любят. Девчонки тоже. Что в этом удивительного? Вот если бы не любили — было бы странно. А так...

Он вспомнил жалкое Изино: «Я заболела вообще-то...»

Хотела, чтобы Влад ее пожалел? Или в самом деле?..

«Может, меня послезавтра в больницу заберут...»

Влад поморщился. Ему совсем не было жалко Изу; ну, почти совсем. Зато он знал, что совесть надо успокоить. Принести ей маленькую жертву, тогда она не будет возмущаться, если Изу действительно куда-то там заберут.

— Как насчет позавтракать? — спросила мама.

— Я не хочу есть, — сказал Влад. — Вернусь через час.

— Опять девочки? — удивилась мама. — Ну-ну...

(Мама всерьез была уверена, что Влад пользуется у девочек колоссальным успехом. Этому заблуждению способствовали и звонки приболевших Владовых одноклассниц, которые, провалявшись пару дней дома с простудой или гриппом, обязательно звонили Владу и требовали — буквально требовали! — чтобы им принесли домашнее задание и помогли сделать уроки. Правда, пацаны в таких случаях тоже звонили...

Хорошо, что по весне болезней в классе стало меньше.)

* * *

Родители Изы были дома. Влад видел ее отца впервые, а мать второй или третий раз.

Они долго держали Влада на пороге. Оба неважно выглядели; у матери были воспаленные блестящие

глаза, Владу сразу же стало жаль ее — куда жальче, чем Изу.

Сперва Владу сказали, что девочка тяжело больна и никакого свидания не будет. Но потом в глубине квартиры послышался Изин голос — громкий, взвинченный; через минуту мать выдала Владу растоптанные домашние тапки и велела следовать за собой.

В Изиной спальне Влад никогда прежде не бывал. Стены были оклеены афишами каких-то концертов; сама Иза, очень бледная и как будто помельчавшая, сидела в подушках на широкой постели.

— Влад!

Ее губы сами собой разъехались, улыбка получилась радостная и одновременно жалкая.

— Ты... привет! Заходи!

Он стоял столбом, не зная, куда девать руки, ноги, куда девать растоптанные тапочки, на его небольших ногах подобные лыжам, пытаюсь сообразить, какие же обстоятельства загнали его внутрь этой донельзя фальшивой сцены: чьи-то папа, мама, больная девочка в постели, почему-то счастливая девочка...

На бледном Изином лице волной, взрывом проступал румянец.

* * *

На другой день она выздоровела. Врачи списали странную хворь на прихоти растущего организма.

Влад нашел в себе великодушие не попрекать Изу тем случаем в сквере; их встречи возобновились, но это были уже *другие* встречи. Они больше не играли ни в шахматы, ни в карты. Зато они целовались.

Иза не сразу поняла прелесть этого занятия. Она была домашняя девочка, отличница, и ее познания в

искусстве поцелуев были в основном теоретические; впрочем, она была человек настойчивый, привыкший добиваться результата через «не хочу», она орудовала губами и языком, как дорожный рабочий орудует молотком и лопатой, и в конце концов научилась-таки находить в поцелуях некоторую приятность...

Что до Влада, то он просто сходил с ума. Эти поцелуи снились ему по ночам, и он ворочался, сбивая простыни в узенький жгут; перед глазами его сплошной кинолентой вертелись цветные сны. Он был, наверное, счастлив — неделю, может быть, две...

Он даже хотел показать ей свою тетрадку в желтой обложке. Не ту, где было про «пришельцев и роботов», — детские штучки он давно забросил... Нет, другую, там было про парня, у которого было одиннадцать пальцев на руках, и так получалось, что у него постоянно что-то в жизни было лишнее. И время от времени к нему приходил человек в черных очках и предлагал выбрать: что лишнее? Какая вещь? Какой друг?

Владу самому было страшно писать про *такое*. Маме он не решался показывать — стеснялся; а вот Изе едва не показал. Даже принес однажды желтую тетрадку к Изе домой — но в последний момент дрогнул, испугался...

И слава богу, что удержался. Не миновать бы насмешек, потому что Изина любовь понемногу стала прорастать прежним раздражением.

Она по-прежнему стеснялась Влада. Она никогда не приходила к нему сама, первая. Время от времени Влад ловил на себе вопросительный взгляд: ну что я в нем нашла? Ну что я, умная, красивая, взрослая, нашла в этом карапузе, бесцветном, никаком?! Подумаешь — умеет целоваться...

В такие минуты Влад спешил щегольнуть остроумием; к сожалению, Иза вскоре перестала смеяться его шуткам. Наоборот — они все больше злили ее.

— Пойдем на танцы, — предложил однажды Влад. Иза надула губы:

— Мне там неинтересно.

— Тогда пойдем на улицу.

Иза с тоской глянула в окно; день прибывал, темнота теперь наступала поздно, и на каждой скамейке имелось по две-три гуляющих сплетницы.

— Знаешь что, — сказал Влад проникновенно, — если ты меня стесняешься — найди себе кого-нибудь другого. Постарше и поразвесистей.

С этими словами он ушел; Иза не стала его задерживать. В эту минуту Иза и сама была уверена, что между ней и Владом все кончено, он ей надоел, она выросла из него, как вырастают из детских сандаликов...

Спустя два дня она позвонила ему, а потом и пришла — покорно, как собачка.

...Все переменялось.

Теперь Иза ходила к нему. Теперь он решал, где и когда гулять; он выбирал самые людные места, демонстративно брал Изу за руку (в этом прикосновении уже не было ничего волнующего) и шествовал, как маршал по плацу. Он целовал ее чуть ли не на глазах всего народа; насмешки скоро прекратились, тем более что Иза перестала носить каблуки, а Влад упросил знакомого сапожника нарастить подошву на туфлях. Таким образом, в росте они почти сравнялись — однако главенство (или даже равенство) Влада оставалось для Изы унижением. Они встречались два-три дня, потом Иза, разругавшись, уходила, но оба пре-

красно знали, что очень скоро она окажется снова под Владовыми окнами.

«Неужели у тебя нет силы воли?» — возмущались подружки.

Изины одноклассники не раз и не два пытались устроить «разбиралово», однако Владу всякий раз удавалось доказать, что «их девочка» действует исключительно по собственной инициативе. «Да заберите вы ее, — предлагал Влад, вздыхая. — Я не держу... сама ведь не знает, чего хочет!»

За Изой, прежде слывшей «зубрилкой» и «синим чулком», закрепились слава безумно влюбленной. «Роковая страсть» не замедлила сказаться на оценках; к Владу приходила Изина мать с серьезным разговором, однако получила в ответ все то же равнодушное: «Я ее не держу».

Тем временем Иза вжилась в новую роль и даже, кажется, находила утешение во всеобщем участливом внимании; в один прекрасный день Владу все это надоело. Надоела прилипчивая Иза, круги под ее глазами, не влюбленными, а скорее утрюмыми. Надоели ее болельщицы-подруги, надоели ревнивые одноклассники, надоела суэта вокруг — и он перестал отвечать на ее звонки.

На третий день его молчания Иза явилась под окна.

— Она сумасшедшая, — с тревогой сказала мама. — У современных девочек нет не то что гордости...

Влад промолчал.

Мама спустилась под окна и долго разговаривала с Изой.

— Послушай, — сказала она, вернувшись, — ты будь человеком все-таки... Не думала, что ты такой жестокий... Спустись ты к ней хоть на минутку!

Влад сделал вид, что не слышит.

Иза простояла под окнами дотемна — поздно вечером явился ее отец и утащил влюбленную насильно.

На другой день Иза сбежала с шестого урока и явилась встречать Влада после школы; Влад, вовремя узнав об этом от верного Димки, выбрался через окно в спортзале и вернулся домой другой дорогой.

Иза перехватила его у самой двери дома, схватила за рукав... Влад молча оттолкнул ее руку:

— Знаешь что, соплячка... Оставила бы ты меня в покое. И навсегда забудь этот адрес, слышишь?

Наверное, следовало бы оскорбить ее посильнее. Обозвать как-нибудь пообидней. Может быть, ударить. Чтобы она отлипла наконец, чтобы она протрезвела...

Она убежала, рыдая, и продержалась вдали от Влада целых четыре дня. А на пятый встретила его перед началом первого урока — на глазах у всей сто тридцать третьей школы! И на глазах у всей школы он снова оттолкнул ее руку, все порывающуюся лечь ему на плечо:

— Дура! Уйди! Видеть тебя не желаю!

Бесполезно.

...Почти неделю он счастливо избегал ее. Все пацаны класса помогали ему в этом, а девочки шпионили в пользу противника; наконец Иза снова оказалась у него под окнами, но на этот раз она не стояла молча. Она плакала и звала Влада; в голосе ее было такое отчаяние, что у него мороз по коже продирал.

Мамы не было дома. Влад в кресле, боясь пошевелиться, твердил про себя: «Меня нет дома!»

— Влад, — плакала Иза, — я знаю, что ты здесь... Открой! Ну открой! Пожа-алуйста! А-а-а!

Останавливались прохожие. Приходили соседи, уговаривали Изу идти домой; вышел даже хозяин овощной лавочки, вынес кружку с водой и бутылочку валерьянки. Влад сидел, закусив зубами рукав школьной курточки, и молча вспоминал все стихи, какие знал.

Ему было так страшно, будто в дверь его дома лопилась не заплаканная девчонка, а вооруженный вертелом людоед.

Когда Иза на минуту прервала свой хриплый зов, Влад на карачках добрался до телефона и позвонил Изиным родителям. И, сам чуть не плача, сказал, что ни в чем не виноват. Что Иза здесь и пусть они ее заберут...

Изин отец приехал на машине.

Владу так и запомнилась эта девчонка — растрепанная, с красным от слез лицом, с его именем на раскисших губах. Больше он никогда ее не видел.

Родители нашли возможность увезти Изу в другой город — подальше от столь разрушительной «первой любви».

...История имела неожиданное продолжение. В городке, и без того бурно переживавшем весну, случился взрыв романтических переживаний: вдохновленные примером несчастной Изы, девчонки писали письма и дневники, вырезали сердца из золотой бумаги, и на розовом фоне всеобщего психоза случилось несколько настоящих скандалов — с истериками и абортари-ем. Из других школ в сто тридцать третью являлись массовые делегации девчонок — поглазеть на сердцеда Влада; часть из них тут же разочаровывалась, увидев, какой он небольшой и неказистый, но кое-кто влюблялся, писал Владу письма, и он вслух зачитывал

их в раздевалке перед физкультурой, и дружное ржание пацанов помогало ему справиться со страхом.

Потому что во сне ему иногда являлась Иза, растрепанная, ревущая, с бесформенным ртом: «Открой! Ну открой! Пожа-алуйста! А-а-а!»

Глава 3

ДИМКА

Близилося лето; Влад надеялся, что перед лицом экзаменов история с Изой потускнеет. А там подойдет время летнего лагеря, время новых романтических драм, и пусть эти сумасшедшие девчонки ищут первую любовь где угодно, только не рядом с Владом, с него хватит...

Однажды, оформляя после уроков кабинет математики, он разоткровенничался с учителем:

— Ну дуры! Дуры же! До сих пор табунами за мной таскаются... Что я им сделал?! Из-за одной полоумной...

— Дуры, — печально подтвердил математик, думая о чем-то своем.

— Почему именно я?! Вон Глеб красивее... Казалось бы, идите, жрите Глеба! Так нет...

— Есть в тебе что-то, — задумчиво сказал математик. — Харизма какая-то. Знаешь, что такое харизма?

Влад кивнул.

— Вот, например, если кто-то заболит надолго... Кому он первому из ребят звонит?

— Мне, — с неохотой признался Влад. — Знаем мы эти штучки. Принеси аспиричика, да помоги с уроками, да всякое такое...

— Ты что будешь делать после школы? — после паузы спросил математик. — В смысле кем быть?

— Да вот, выбираю, — пробормотал Влад, глядя в окно. — Мама хочет, чтобы врачом...

— А ты?

Влад пожал плечами:

— Ну и я, наверное, врачом хочу...

— Может, тебе психологом надо быть? Или политиком?

Влад скорчил рожу. Математик принужденно рассмеялся.

* * *

После последнего экзамена они в складчину купили пять бутылок сухого вина и отыскиали беседку в самой заброшенной части парка.

— Выпьем за девчонок из нашего класса — самых нормальных девчонок в мире! — провозгласил Влад, поднимая бумажный стаканчик.

И все одобрительно загалдели. Милостиво улыбнулась Марфа Чисторой — у нее уже полгода был роман с десятиклассником.

Димка Шилов сидел рядом. Потягивал вино из бумажного стаканчика. Молчал.

— Они самые нормальные, потому что ни одна не влюбилась во Влада, — сказал Ждан. Он уже два года пользовался хорошим дезодорантом, сам стирал себе рубашки и занимался боксом, а потому и жвачку ему на портфель никто не пытался лепить.

— Говорят, Клоуна посадят, — сказал после паузы Глеб Погасий.

Клоун побил по наущению Кукушки какого-то парня из другой школы, а родители того парня ока-

зались людьми упрямыми. Теперь все шло к отправке Клоуна в колонию, хотя по справедливости сажать следовало Кукушку...

— А кто в лагерь поедет? — спросил Антон, раньше прозывавшийся Супчиком. Теперь бывший Кукушкин прихвостень остепенился — может быть, потому, что прочие одноклассники быстро подросли и сравнялись с ним в габаритах?

— Я поеду, — первым сказал Димка Шило.

Ребята запереглядывались:

— И я...

— Я...

— И я...

— А ты же на море собирался? — спросил Влад у Глеба. Тот уже месяц хвастался какой-то экзотической путевкой, которую добыл ему отец.

Глеб махнул рукой:

— А-а-а... Я подумал, что если все едут... В лагере же веселей...

Влад промолчал. В лагере, конечно, нескучно, но если бы выпало выбирать между лагерем и морем...

Впрочем, Влад не выбирал никогда. Лагерь, и никакой альтернативы. А что они с мамой опять никуда не поедут, было ясно давно, еще зимой...

— А кто не едет в лагерь? — спросил Влад.

Тишина.

— Марфа, ты вроде к бабушке собиралась?

Марфа Чистойрой сморщила нос:

— Да ну... Опять к бабушке, скукотища...

Они сидели под сырым сводом заброшенной беседки и, кажется, были немного удивлены. Все едут в лагерь, все как один — ну не дружный ли класс?!

Влад улыбался.

Может быть, запах травы, сырости и парковой

гнили был причиной того, что ему вспомнился недавний сон. Будто он — старое, кряжистое дерево, сплошь облепленное белесыми грибами.

* * *

В автобусе Влад сидел рядом с Димкой, и оба веселились и орали песни громче всех. Из-за высоких спинок помещавшихся впереди кресел время от времени выглядывали девчонки, ругались и требовали порядка.

Автобус трясло на выбоинах плохого шоссе; Влад пребывал в эйфории. Казалось, покончено с дурными снами, компания подобралась как нельзя удачно — его собственный класс... А в классе, как Влад давно заметил, ему уютнее и проще всего. Даже когда-то всемогущий Кукушка не может испортить ему настроения, тем более что после истории с Клоуном Кукушка сидит тише воды ниже травы. Никто не глазеет на Влада, как на чудище, и никто не рискнет с ним поспорить — всем он нужен, все его любят... Воистину удачно, что в этом году они вот так дружно, всем классом, рванули в лагерь...

Песня следовала за песней, и опять все сначала; Влад стал подпевать через слово, а потом и вовсе замолчал. Уставился в окно, то и дело ударяясь лбом о синеватое мутное стекло.

Никто не заметил дыры в хоре, дыры на месте его голоса. Даже Димка, оравший рядом, ничего не заметил. А была ли вообще дыра? Такая ли большая потеря для класса — голос Влада Палия?

Они видят его каждый день... Они не морочат себе голову его достоинствами. Есть он или нет его... Как

там говорила Иза? Бесцветные глаза, бесцветное лицо, ты ничем не примечателен, кроме своих шахмат...

Мысль об Изе была как прикосновение утопленника. Влада передернуло.

...кроме своих шахмат. «Я умен, — говорил Влад в ответ. — Ты не заметила? Я остроумен...»

«Меня все любят, — хотел он добавить. — Все во мне нуждаются».

«Никому ты не нужен, — жестоко говорила Иза. — Да кто ты такой? Таких, как ты, в каждом классе два десятка...»

«Открой! Ну открой! Пожар-алуиста! А-а-а!»

Приходило страшное воспоминание — и мир терял реальность, оплывал волнами сизого оконного стекла. Возможно, Иза действительно была сумасшедшая? Но почему раньше, до встречи с Владом, это безумие никак себя не проявляло?

Автобус свернул на грунтовую дорогу. До лагеря оставалось минут пятнадцать тряски. Влад прикрыл глаза, купаясь, как в киселе, во внезапном одиночестве.

«А что бы вы делали без меня? — подумал он с внезапным ожесточением. — Что бы вы без меня делали?»

Автобус затормозил. И, глядя на веселенькие шеренги корпусов, Влад пообещал себе полтора месяца не думать об Изе, ни о сизом оконном стекле, ни о дереве с бледными грибами.

* * *

«Мама! Со мной все в порядке. Я уже самостоятельный. Не волнуйся. Влад».

Телеграфистка посмотрела одобрительно — решила, наверное, что видит перед собой самого забот-

ливого сына на много километров вокруг. Тем временем Влад намеревался доставить маме кучу неприятных переживаний.

Влад тешил себя надеждой, что телеграмма немного поможет делу мамино спокойствия — хоть чуть-чуть. Вчера, когда они виделись, Влад уже совершенно утвердился в своих планах на сегодняшний побег и триста раз повторил, как заклинание, что у него все в порядке и, как бы там ни было, все будет хорошо...

Он расплатился с телеграфисткой, закинул рюкзак на плечо и вышел под утреннее солнце.

Его хватятса часа через полтора — за обедом... Интересно, какие у них будут лица?

Владу представилась географичка, оказавшаяся в этом году еще и начальником лагеря. Красные пятна на дряблых щеках, буравящий взгляд: «Скажи, зачем ты это сделал?»

Подошла электричка — наполовину пустая. Влад забросил рюкзак на ячеистую, как волейбольная сетка, полку и сел у окна, спиной по ходу поезда.

«Зачем ты это сделал?!»

Он понятия не имел зачем. Ему было плохо в лагере? Ерунда, ему было куда лучше, чем в позапрошлом и даже в прошлом году. Соскучился по маме? Странно для четырнадцатилетнего подростка, которого к тому же проводят каждые три-четыре дня (уж он маму просил, просил: ну не мотайся ты так часто! Сколько времени и сил убивается на эти поездки, ну неужели я не проживу неделю без клубники?!).

Если бы он вернулся сейчас домой — мама просто дозвонилась бы в лагерь, ну, телеграмму дала... Все бы злились, конечно, но в конце концов любая злость проходит...

Но он не поедет домой. Он сам не знает толком, куда везет его электричка. И уж давно не знает зачем.

Ему снова снилось, что он дерево, поросшее грибами. Ему снилось еще что-то, непонятное и неприятное; на зарядке он взмахивал руками резче и энергичнее сонных товарищей — будто пытаясь разорвать полиэтиленовую пленку сна.

Вчера они с Димкой спели хулиганский дуэт со сцены летнего клуба — и имели оглушительный (в пределах лагеря) успех.

Сегодня после завтрака он по-быстрому собрал рюкзак и махнул через дырку в заборе, такую узкую, что, протискиваясь, пришлось ободрать локти. Теперь электричка покачивалась, локти саднили, за окном сменяли друг друга поля и лесополосы, а Влад мысленно отвечал — и не мог ответить на еще не заданный возмущенный вопрос: «Зачем ты это сделал?»

Ни за чем. Просто так.

* * *

Прежде он часто и охотно пользовался словом «одиночество», однако что это такое — узнал только сейчас.

Базы отдыха, старые и новые, палаточные лагеря, спортшкола на воде — все это стояло плотно, забор к забору, и везде кто-то жил. Влад шел дальше, выискивая место совершенно безлюдное, однако стояла летняя жара, все, кто только мог, спешили заселить собой лес, и лесополосу, и ивовые заросли на берегу реки, и Влад отчаялся найти укромное место — но лес оказался куда больше, чем он мог себе вообразить. Человеческие стоянки стали попадаться все реже и ре-

же, и наконец-то Влад остановился: полное безлюдье, оказывается, угнетает сильнее, чем галдящая и жующая толпа. Он хотел повернуть обратно и потихоньку присоседиться к каким-нибудь туристам — но укорил себя за малодушие и поворачивать не стал. Ноги гудели; наступали сумерки. Влад решил, что стоит позаботиться о ночлеге и завтра уже выбрать место не спеша, основательно; кефир и пирожки он купил еще днем, на станции, и теперь поужинал при свете фонарика, с головой завернувшись в одеяло и уснул на хвое, под зверский визг комаров.

...Одиночество.

Походный опыт его был невелик, и все приходилось постигать на своей шкуре. Влад мерз и маялся жаждой, пил росу и собирал малину, жарил на костре свежепойманных верховодок и ел их, водянистых, без соли. Искусанная кровопийцами кожа зудела; до ближайшего сельского магазина, где Влад покупал хлеб, было два часа ходьбы. Иногда его подкармливали туристы, но чаще он проводил целые дни, не встретив ни одного человека. Время тянулось, как жвачка, Владу казалось, что он неделями и месяцами живет, не слыша голосов и не видя лиц, тогда как на самом деле вся его импровизированная робинзонада была длиною в восемь дней.

Каждый вечер он думал о маме: как она там? Волнуется? Рядом с магазином была почта, вечно закрытая, но один раз Влад все-таки достучался в двери и дозвонился в город. Мамы не было дома — никто не брал трубку. Тогда Влад перезвонил соседям, выпалил, что он здоров и все в порядке и чтобы это передали маме, — и на этом разговор оборвался...

На девятый день утром Влад придумал ответ на вопрос директрисы: «Зачем ты это сделал?» — «Я хотел

испытать себя на выживание, почувствовать себя настоящим мужчиной»...

Звучало патетично, но одновременно и трогательно; Влад подумал, что ему поверят. Будут злиться, негодовать... но и радоваться будут, что Влад наконец-то нашелся. Наверняка та же директриса не раз говорила себе: «Пусть только найдется живым, я ему все прощу!»

Подумав таким образом, Влад, уже не первый день мечтающий о тарелке горячего супа, теплой воде и настоящей постели, рысью пустился в обратный путь.

Электричка задерживалась; на перроне собралась самая настоящая толпа. Влад влез в нее, как в теплое море, и долго бродил взад-вперед, не решаясь отойти в сторону. Толпа! Люди! Галдящие, не особенно вежливые, обремененные тюками и корзинами, пахнущие потом и перегаром, живые люди!

Пропихиваясь в душное нутро вагона, Влад улыбался. Надо было устроить эту глупейшую выходку с побегом, чтобы ощутить наконец-то, до чего ему дороги представители его собственного вида, причем не какие-то особенные, а все подряд. Вернуться бы сейчас в лагерь... может быть, его еще возьмут?

Впрочем, возвращаться в лагерь сейчас он не посмел бы. Доехал до города; вошел в телефонную будку, собираясь позвонить маме.

Монеток не было.

Влад потоптался, вышел; ему вдруг сделалось страшно. Ведь он обрек маму на восемь дней неизвестности! И наивно думал, что его звонок соседям — короткий сумбурный звонок! — способен хоть капельку ее успокоить!

Он вскочил в автобус и поехал домой.

Когда звонок отозвался в недрах дома, ему сделалось почти так же страшно, как было в тот день, когда под окнами редела сумасшедшая Иза...

Долго не было слышно ни звука. Может быть, мамы нет дома? Он принялся лихорадочно рыться в карманах в поисках ключа, которого не было, потому что в лагерь ключ решено было не брать. Вдруг за дверью слышались неверные тяжелые шаги, замок щелкнул...

— Прости, — быстро сказал Влад.

И отшатнулся.

Мама стояла перед ним в ночной сорочке — лицо ее было таким же белым, как выбеленная ткань. Опали щеки, заострился нос; губы покрыты были корочкой мелких болячек. И с этого постаревшего, немощного лица смотрели совершенно счастливые, глубокие глаза.

— Владка...

...Уже через час ей было гораздо лучше. Влад сидел спиной, чтобы не мешать маме одеваться, и слушал, и по щекам его бегали ледяные мурашки.

Мама заболела через несколько дней после его исчезновения. Ее сперва забрали в больницу, но она не смогла там остаться — она все ждала, что вернется Влад, вернется, а дома никого нет...

Убедительного диагноза так и не поставили, а все эти кризы, приступы и обострения никогда не водившихся у мамы болезней она в серьезный расчет не брала. Нервы? Да, она нервничала... Но в эти дни неизвестно, кому было лучше — ей, матери сбежавшего в поисках приключений Влада, или родителям тех ребят, которые никуда не бегали и остались в лагере...

— Что? — спросил Влад, и ледяные муравьи со щек перебежали на макушку, заставив шевелиться пропахшие костром волосы.

— Можешь повернуться, — сказала мама.

Она оделась и привела в порядок прическу; она выглядела с каждой минутой все лучше, и белый призрак, открывший Владу двери, отступал все дальше в его памяти, еще немного — и Влад поверит, что никакого призрака не было.

— В лагере отравились... — монотонно говорила мама. — Массово... Повариха под следствием... знаешь, грешили не то на крысиный яд в котле, не то на пестициды... там же поля кругом... Как раз самолет пролетал накануне, опылял... Комиссия работает... В хозяйстве клянутся, что ничем таким не брызгали, все безвредно... Директриса с инфарктом слегла... такая беда! Подумать только... Болтали про военные испытания, облечение, чего только не придумали... какой-то умник наркотики приплел... Ага, целый лагерь малолетних наркоманов, как же...

Мамины слова падали Владу на темя, холодные и быстрые, будто капли с ледяной сосульки.

— ...легко отделались. Зато твой отряд, Владка, больше всех пострадал. Десять человек в больнице! А Димка... ты не пугайся... Димка в реанимации... Я уж подумала грешным делом — лучше сыну в бегах быть... чем в реанимации... ты уж прости...

— Да уж, — сказал Влад непослушными, будто пластилиновыми, губами.

* * *

«Зачем ты это сделал?» — «Я хотел испытать себя на выживание, почувствовать себя настоящим... А если честно, я хотел посмотреть, как они будут без меня. Как они все — без меня...»

Они махали ему руками из окошек больницы. Потом спустились вниз в синих и серых халатах, вызы-

вающих у Влада отвращение и жалость; через пару дней, выпущенные «на свободу», они храбрились и зубоскалили, топя в пошлых шуточках минувший страх.

...Началось с Димки и Ждана, Владовых соседей по палате, в несколько часов перекинулось на весь отряд, зацепило и соседей, но в меньшей степени. Слегли несколько учителей, подрабатывавших в лагере воспитателями. Болезнь проходила у всех по-разному, но общие звенья все-таки были: депрессия и слабость, тошнота и рвота, сильная головная боль, в особо тяжелых случаях — вот как у Димки — с галлюцинациями.

— Психотропное оружие на нас изучали, — авторитетно заявлял Антон, бывший Супчик.

— Секретные испытания на полигоне, — вторил ему Глеб. — А может, крысу в котле сварили.

— У девчонок все волосы повылезали, — вздыхал Ждан. (Влад рад был убедиться, что он не прав. Волосы у девчонок, конечно, пострадали, но до лысин было далеко, и слова Ждана оказались «полемическим преувеличением».)

Приятным сюрпризом для всех было полное и довольно-таки скорое выздоровление «отравленных». Только Димка Шило, к которому не пускали никого, в том числе Влада, по-прежнему оставался в реанимации.

Комиссия, расследовавшая происшествие в лагере, работала ни шатко ни валко. Что случилось и кто виноват — не знали, да и теряли надежду когда-либо узнать.

Влад дежурил под окнами реанимации, но Димка не вставал и не мог подойти к окну. Влад осаждал врачей, уговаривая, упрашивая, доказывая. Он пытался подкупить медсестер, плел что-то врачам о неис-

следованной силе человеческих взаимоотношений, клялся, что от одной только встречи с ним Димке станет легче... Он говорил чистую правду, но ему не верили.

Какая дружба! — шептались вокруг. Все как-то и забыли, что Влад сбежал из лагеря, всем было не до того, в особенности директрисе, которая, похоже, так никогда и не задаст Владу сакраментального вопроса: «Зачем ты это сделал?»

Из-под реанимации Влад возвращался домой и сразу же ложился спать. Ему снилось, что он — грибница. Что он не человек, а комок тоненьких подвижных корешков, и эти корешки пронизали пространство вокруг, подобно живой паутине. И всякое существо, оказавшееся слишком близко, эта паутина пеленает сама, без помощи паука; корешки прорастают в ничего не подозревающую плоть, вокруг Влада ходят, улыбаясь, школьные приятели с проросшими головами, учителя, из чьих шей выпирают расплывшиеся в теле корни... плачет Иза, насквозь прошитая белыми отростками... Лежит в реанимации Димка Шило, приросший к койке, пришитый к матрасу белыми волокнами. А мама — мама!..

— Видно, я ту же болезнь перенесла, — говорила мама задумчиво. — Только у меня, видать, организм покрепче, а бедный Димка плох... Узнай, Влад, — может, надо скинуться всем классом на лекарства?

Влад кивал, сидя за шахматной доской, механически передвигая фигуры. В лагере они часто играли с Димкой — и последняя партия осталась неоконченной...

Влад все пытался сообразить, как ему узнать о судьбе Изы. Именно теперь ему необходимо было знать о ее теперешней жизни. Но как?..

Наконец он решился. Мама удивилась его просьбе. Но в конце концов собралась и ушла; Влад понимал, чего ей стоит этот визит, и искренне желал маме удачи.

Она вернулась, как ни странно, в хорошем настроении:

— Разумеется, они не хотели меня на порог пускать... Но девочка живет себе у бабушки, полностью выздоровела и знать тебя не знает. Во всяком случае, это они так думают, — и мама рассмеялась, а у Влада отлегло от сердца.

...Дней через десять вечно заплаканная Димкина мать принесла радостную весть: наконец-то перемены к лучшему! Димка поправляется, через несколько дней его переведут в палату и разрешат посещения...

Влад сидел перед шахматной доской, тупо смотрел на фигуры, но задача не решалась.

Все очень удивились, когда он категорически отказался навещать друга в больнице. Он, дневавший и ночевавший под окнами реанимации! Сильный стресс, решили все, а Димка, поправлявшийся медленно и с трудом, все чаще спрашивал о Владе, а ему говорили, что тот в отъезде...

Лето заканчивалось. Зарядили дожди; Влад не раз и не два надевал куртку, чтобы идти к Димкиным родителям. Чтобы объяснить на пальцах, почему именно им следует увезти сына из города. Увезти подальше — и сразу, как только тот поправится.

Иногда Влад даже выходил на улицу и проходил несколько кварталов по направлению к Димкиному дому — но тут же возвращался. Что он им скажет? Что объяснит? Расскажет про белесые волоконца, прорастающие в телах других людей? В их душах? И что он услышит в ответ?

Оказавшись в тупике, он начинал успокаивать себя. Может быть, поправившись, Димка получит некий иммунитет против... против *этого*, чему Влад не знал названия. Ну, короче говоря, все будет по-прежнему, будто ничего не случилось, будто реанимация приснилась Димке, как Владу снится *грибница*...

Он нашел в библиотеке энциклопедию «Жизнь грибов» и долго сидел над ней, рассматривая блеклые, неприятные фотографии.

Потом взял со стенда медицинскую брошюру «Молодежь и наркотические вещества: медленная смерть».

— Интересно? — спросила библиотекарьша.

Влад не ответил. Он как раз читал про «абстинентный синдром».

Глупая библиотекарьша не нашла ничего лучшего, как позвонить Владовой маме, чтобы та присмотрела за сыном на предмет наркотиков; Влад долго успокаивал маму, а потом долго ворочался в постели, а потом, среди ночи, ему явилась *такая* мысль, что пришлось вставать, в одних трусах идти на кухню и долго заваривать чай, так долго, что мама проснулась, увидела свет, вышла, обеспокоенная:

— Владка, что с тобой?

— Ма, — сказал Влад, тщательно размешивая пятую ложку сахара. — Слушай... Ты только не обижайся... А про настоящих моих родителей где-то можно найти сведения?

Мама часто заморгала:

— Влад...

— Прости, пожалуйста... Я все понимаю... Но если, например, у меня редкая наследственная болезнь... и надо проследить, откуда... это наследство...

— Какая у тебя болезнь? — спросила мама, стремительно бледнея.

— Никакая... Я же сказал — «если»...

Мама ничего не ответила. Влад первый отвел глаза.

* * *

Когда, по слухам, до Димкиной выписки из больницы осталось дня два или три, Влад наконец решил-ся и позвонил в знакомую, много раз открывавшуюся перед ним дверь.

— Влад? — удивилась Димкина мама. — А ребята сказали...

— Мне нужно с вами поговорить, — сказал Влад, чтобы сразу отсечь все пути к отступлению. — Это очень важно. Это касается Димки.

У бедной женщины вытянулось лицо. Видимо, вид у Влада был очень убедительный: бледные щеки, бегущие глаза, разве что на лбу не написано: «Я принес вам очередную крупную неприятность...»

Его провели на кухню и усадили на табурет. Димкин отец поставил на плиту чайник; он, в отличие от жены, не склонен был впадать в панику не от слова даже — от интонации.

— Значит, так, — сказал Влад, разглядывая пеструю клеенку на столе. — Надо его переводить в другую школу. Я не могу объяснить почему...

— Нет, ты все-таки объясни, — мягко сказал отец. — Мы тебя, Влад, знаем давно, ты вроде бы всегда был честным парнем... Если начал говорить — говори начистоту.

— Я не могу сказать, — повторил Влад упрямо.

— Ему кто-то угрожает? — быстро спросила мать. — Какие-то ваши, мальчишечьи... кто ему угрожает?

— Никто, — сказал Влад. — Ему нельзя встречаться...

И замолчал.

— С кем? — спросил отец. — Назови мне имя этого мерзавца. И тогда ему придется переходить в другую школу.

«А ведь это тоже выход, — вяло подумал Влад. — Взять и уйти самому... А там, в новой школе, начнется все сначала...»

Он передернулся, почему-то вспомнив Кукушку.

— Итак? — снова спросил отец. — С кем именно нельзя встречаться Диме? А?

Они ничего не поймут, подумал Влад. Это с самого начала было ясно. Он зря пришел. Он усложнил ситуацию. Теперь они начнут докапываться...

— Извините, — сказал он, с трудом отводя глаза от скатерти. — Я пойду...

— Ты никуда не пойдешь, — резко сказал отец, — пока не скажешь всей правды. Кто угрожает Диме?

— Никто.

— Вот теперь ты врешь.

— Я не могу сказать. Но если его перевести в другую школу...

Димкина мать нервно сцепила пальцы. Ей только этого не доставало. Едва удалось выходить сына, вырвать у неизвестной болезни, свалившейся как снег среди лета, — а тут еще эти недомолвки, тайные угрозы, бледный мальчишка с бегаящими глазами, который на самом деле чем-то очень огорчен и обе-

спокоен. Вдруг с Димкой действительно что-то случится?

— Я позвоню твоей матери, — сказал Димкин отец.

— Не стоит. Она ничего не знает.

— Так я попрошу ее узнать! Я пойду к директору, в конце концов... Лучше бы ты сказал сразу, Влад.

— Не могу.

* * *

Все запуталось и осложнилось до предела. Мама была на грани слез:

— У него прямо голос дрожал, в трубке... Ну что ты им наговорил?! Какие угрозы?

Влад молчал.

— Если случится беда, ты будешь виноват, — тихо сказала мама. — Взятся говорить — так говори до конца!

— Ему нельзя встречаться со мной! — выпалил Влад. — Ему нельзя быть со мной в одном классе!

Мама долго смотрела на него. Потом подошла, коснулась его плеча:

— Влад... Что с тобой происходит? Ты плохо себя чувствуешь? Что ты там говорил о наследственных болезнях?

Влад молчал.

— Пожалуйста, — попросила мама тихо. — Доверяй мне... Что бы там ни случилось... Даже если это, не дай бог... даже если с тобой... мы со всем справимся, ты не бойся. Мы все одолеем...

Она говорила и говорила, а Влад стоял столбом, слушал, как горят от стыда щеки, и пытался проглотить застрявший в горле комок.

* * *

Димку выписали перед самым началом занятий. Разумеется, в школу вместе со всеми он не пошел — предстояли две недели «реабилитации»; в гостях у выздоравливающего перебивало полкласса. «Доброжелатели» тут же донесли ему, что Влад никуда не уезжал, ничем не болен, а просто не желает видеть бывшего друга; в то же время Димка уже пережил разговор с родителями, и не один. Разумеется, он все отрицал; разумеется, никто ему и не думал угрожать, какая там другая школа, что за глупости наплел этот Влад...

Димка знал, что Влад каждый день ходит в школу. Телефон у обоих был исправен — тем не менее Влад так ни разу и не позвонил.

И Димка, затаивший обиду и недоумение, не звонил тоже.

Прежде, случись друзьям ненадолго расстаться, Димка всегда прибегал в гости первым. Влад привык к этому и воспринимал как должное; теперь, пройдя реанимацию, Димка хранил сдержанность, и равнодушие Влада выглядело со стороны странно и возмутительно.

Роль ходячей совести самозвано принял на себя Ждан.

— Ты можешь хотя бы объясниться?! — восклицал он патетически. — Ты можешь хотя бы объяснить человеку, за что ты так на него наплевал?

На щеках Ждана ходили желваки, под тонкой рубашкой перекачивались заботливо наращенные мышцы; во все стороны растекался густой запах дезодоранта. «Еще в морду даст», — подумал Влад устало. Не верилось, что вот этот молодой бычок еще пару лет назад считался в классе безответным мальчиком

для биття. Что это с его сгорбленной спины Влад отлепил когда-то похабную картинку...

— Не твое дело, вообще-то, — сказал Влад, глядя в изумрудно-зеленые глаза Ждана. — Наше с Димкой дело. А ты усохни. Понял?

Ждан посопел угрожающе, но дальше сопения дело не двинулось.

Влад смотрел в оскорбленную Жданову спину — и думал о том, что уже через пару дней отчуждения тому захочется подсесть поближе. Как бы невзначай спросить о чем-то, задеть рукавом о рукав, списать решение задачи; самому Ждану это будет неприятно и удивительно, но он придумает, как усыпить самолюбие. Он скажет самому себе, что попросту использует этого зазнайку, что вовсе не дружит с ним, что решение задачи нужно ему позарез, а подсесть поближе вынудила какая-то насущная необходимость... Например, из окна дует... А через месяц он и думать забудет о ссоре — преспокойненько станет болтать с Владом на переменках, как будто и не было никакой размолвки...

Влад недооценил Ждана. Самоуверенный молодой боксер, не так давно травимый, теперь сам решил устроить товарищу полноценную травлю; уже на другой день, явившись в школу, Влад обнаружил там надменные лица, демонстративно отведенные взгляды и прочие атрибуты бойкота.

Он растерялся. Потом возмутился; первым желанием его было придушить Ждана или, что гораздо лучше, вернуться на два с половиной года назад и остановить собственную руку, срывающую бумажку со Ждановой спины.

Начались уроки; слушая монотонный голос исторички, Влад понемногу успокаивался. Обида улеглась; осталось любопытство. Ну, и как вы без меня?

Два дня класс самозабвенно играл в новую игру. На третий день подняли бунт девчонки: почему это они должны бойкотировать Палия за то, что он поругался с Шило? Это их личное дело, какого черта кто-то должен вмешиваться?

Да, девчонки капитулировали первыми — впрочем, может быть, девчонки просто практичнее? Им не очень-то нравится терпеть неудобства в угоду чьим-то там амбициям... А в том, что неудобства были, сомнений не оставалось.

Бойкот продолжался силами одних только ребят. Влад наблюдал; он уже понял к тому времени, что Ждан преподнес ему неожиданный подарок: практический эксперимент над *грибницей*.

Хуже всех приходилось тем, кто общался с Владом ближе других. Те, кого он недолюбливал и с кем разговаривал редко, выдерживали бойкот дольше. Зато те, кто жил с ним в лагере в одном корпусе, кто хоть иногда списывал решения, кто просил у него на уроках линейку или давал свою, кто рассказывал анекдоты в одной с ним компании, кто был с ним в одной волейбольной команде, кто хоть изредка играл с ним в шахматы, — все они хитрили, юлили, изворачивались таким образом, чтобы и с Владом поговорить, и формальных законов бойкота не нарушить:

— Эй, ты! Куда прешь?

— А ну, пропусти...

— Давай, вали отсюда!

...Ноги у Влада были отдавлены чуть не по колено. Одноклассники искали контакта с ним — проще всего было наступить ему на ногу, а потом еще и обругать, как бы сторяча. Но для душевного комфорта такого «общения» не хватало; атмосфера в классе все больше накалялась. Пацаны сделались раздражитель-